

Никто, кроме нас! Российский спецназ!

СЕРГЕЙ

Зверев

**РЕЖИМ
ОДИНОЧНОГО ОГНЯ**

Режим одиночного огня

Сергей Зверев

Группа крови

«ЭКСМО»

Зверев С. И.

Группа крови / С. И. Зверев — «Эксмо», — (Режим одиночного огня)

Лейтенант погранвойск ФСБ Виталий Громов – единственный из всего выпуска Академии, кому предложено пополнить ряды спецназовцев элитного подразделения Антитеррористического центра. Принимая это предложение, Громов был готов ко всему, но не подозревал, с какими трудностями и лишениями ему придется столкнуться в действительности. Только процесс подготовки спецназовца уже оказался невероятным, угрожающим жизни, приключением, в котором собственный инструктор опасен и жесток. А впереди – диверсионные и антитеррористические операции, похожие на бег по минному полю...

© Зверев С. И.

© Эксмо

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Сергей Зверев

Группа крови

Пролог

Стеклянная коробка аэровокзала отражала веселые солнечные блики. Буксировщики-тягачи тянули по бетонке бело-голубые самолеты. Из динамиков то и дело доносился мелодичный перезвон радиоинформации. Сквозь застекленный пандус, идущий от здания аэровокзала к посадочному перрону, проходили пассажиры очередного рейса. И никому не было дела до бело-голубого «Ту-154», застывшего метрах в ста от рулежной дорожки...

Авиалайнер стоял тут уже три с половиной часа. Позади него притаился черный микроавтобус с тонированными стеклами; водитель поставил его так, чтобы не быть замеченным из иллюминаторов самолета. За микроавтобусом недвижно застыли трое суровых людей в камуфляжах. Автоматы «Кедр», тяжелые бронежилеты, вязаные маски «ночь» – все это свидетельствовало об их спецназовском статусе.

Гигант в камуфляже, стоявший к лайнеру спиной, несомненно, был за главного. То и дело поправляя микроскопический наушник, он напряженно вслушивался в тишину эфира.

Едва различимый щелчок – и властный командирский голос приказал:

– Пошли!

Спецназовцы как будто всю жизнь ожидали этой команды. Меньше чем через минуту они рассредоточились под брюхом самолета, перемещаясь по воображаемой осевой линии, разделившей фюзеляж на две продольные части. Неопытному наблюдателю могло показаться, что они устремились прямо в темнеющее отверстие реактивного сопла.

В тот самый миг, когда бойцы группы захвата широкими шагами мерили серую бетонную дорожку, от дальней стоянки выехал ярко-оранжевый автомобильчик и направился к задраенному входному люку между первым и вторым салонами.

Застывший под остроносым хвостом воздушного лайнера высокий спецназовец подставил плечи под рифленые подошвы полусапожек товарища. Тот, взобравшись на спину напарника, споро отвинтил небольшой технический люк, чтобы через него проникнуть внутрь самолета.

Аккуратно приоткрыв массивную крышку, он влез в темный отсек. За ним последовал второй. А затем они втащили стоящего внизу гиганта.

Перемещаясь практически бесшумно, группа захвата приблизилась к самолетной кухне, занавешенной шторами. Первым двинулся высокий, заслоняя товарищей широкой грудью, закованной в пуленепробиваемые пластины бронежилета.

Сквозь узкую щель между шторами он увидел молодую стюардессу. Лицо ее было перекошено от ужаса, слезы катились по щекам. Полуобнаженная, она почти лежала на узком дюралевом столике, широко расставив ноги. Между ног стоял бородач. Плотно обхватив всхлипывающую девушку за оголенные бедра, он насиловал ее с животным остервенением. Остроконечные груди несчастной, торчавшие из-под разорванной блузки, пружинисто подпрыгивали, вторя такту. Ягодицы скрипуче ерзали по липкой поверхности стола. Рядом с несчастной жертвой лежал пистолет «зиг-зауер», отливавший матовым блеском стали.

Человек в камуфляже слегка раздвинул шторы и приложил указательный палец к губам, повелевая – мол, молчи!

Стюардесса послушно кивнула.

Насильник воспринял это по-своему и, оскалившись, произнес с заметным кавказским акцентом:

– Что, хорошо, да? А ты не хотела, зачем меня укусила, сейчас будешь брать...

Договорить он не успел – резкий удар, нанесенный узким стволом короткого автомата, обрушился на бритый затылок, и сладострастный кавказец грузно осел, запутавшись в спущенных брюках. Из разбитой головы тонкой струйкой полилась темная, похожая на деготь кровь, заливая ковровую дорожку.

Все произошло столь стремительно, что смущенная стюардесса не успела свести стройные ноги – она так и оставалась в полулежачем положении. Правда, очень быстро пришла в себя и, опустив юбку, сползла с запотевшей зеркальной поверхности.

Командир спецназа обратился к ней с тихим, но настойчивым вопросом:

– Сколько террористов на борту?

– Четыре, без этого... – Раскрасневшаяся девушка с неподдельной брезгливостью указала на распластавшегося насильника, волосатые запястья которого уже были плотно схвачены железными браслетами. – Один в кабине пилотов, двое у входного люка в первом салоне, и еще один через четыре ряда отсюда, разговаривает с молоденькой пассажиркой справа.

– Оружие у них есть?

– У всех пистолеты; есть один автомат, – поспешно отозвалась она, с трудом подбирая нужные слова, и добавила: – Автомат у того, который в кабине пилотов, – он у них, по-моему, старший.

– Хорошо, сиди тихо и не высовывайся. А этого не бойся, – он пнул тупым носком тяжелого сапога бесчувственное тело обездвиженного кавказца, – он надолго в отключке.

В следующую секунду цепкий взгляд гиганта переключился на заполненный пассажирами светлый салон – слегка раздвинув шторы, мужчина вычислял следующего террориста.

Это оказалось несложно: чернявая голова постоянно крутилась на крайнем сиденье пятого ряда справа, склоняясь к белокурой головке девушки. Ее лицо невозможно было рассмотреть, но и без того становилось понятно, что блондинка сильно нервничает.

Человек в камуфляже передал стоящему рядом товарищу короткий автомат и достал тяжелый пистолет со стволом, удлинненным цилиндрическим глушителем.

Проделав узловатыми пальцами несколько замысловатых знаков, понятных только посвященным, его напарник присел на корточки и гусиным шагом двинулся вдоль стройных рядов с перепуганными пассажирами.

За ним последовал второй, призывая жестами, обращенными к застывшим в непередаваемом шоке пассажирам, хранить молчание.

Взгляд же согбенного мужчины был прикован к откинутой спинке мягкого кресла в пятом ряду; ему оставалось три-четыре шага до разглагольствующего террориста, когда неожиданно заплакал ребенок, испугавшийся странных дядь в устрашающих масках.

Бандит обернулся на резкий шум и заметил полусогнутую фигуру спецназовца. Резко поднявшись с места, он вскинул короткую руку с пистолетом, но оглушительный выстрел не успел прозвучать в замкнутом пространстве самолета. Пуля, вылетевшая из цилиндрического глушителя, пробила переносицу бандита.

Командир группы захвата поднялся во весь рост и кошачьей походкой, переступив через агонизирующее тело, двинулся вдоль округлого фюзеляжа.

Он бросил мимолетный взгляд на невольную соседку убитого террориста и вдруг... Неожиданно сердце бешено заколотилось в груди; на какой-то миг он забыл обо всем – и о том, что людям по-прежнему угрожает смертельная опасность, и о том, что на борту захваченного самолета остались еще трое «зверей», и даже о том, что от его действий зависит жизнь товарищей. Онемевший от неожиданности офицер стоял и смотрел на кукольное лицо девушки, обрамленное призрачным ореолом завитых белокурых волос.

Все длилось считанные мгновения – перед мысленным взором широкоплечего гиганта пронеслась длинная череда суматошных дней и событий, казалось, безвозвратно минувшего прошлого...

Глава 1

Ослепительно желтое солнце медленно поднималось над Москвой. Свежий ветерок трещал российским триколором. На широком бетонном плацу, расчерченном свежей белой краской, застыли стройные шеренги недавних курсантов, впервые в жизни нацепивших на плечи лейтенантские погоны. Перед строем выступал начальник училища – немолодой лысоватый генерал в парадном мундире. Медали блестели на ярком солнце и отбрасывали в прищуренные глаза счастливых офицеров слепящие солнечные зайчики.

Речь генерала не отличалась оригинальностью и повторяла ставшими штампами фразы: «...до последней капли крови стоять на страже...», «...быть верным присяге...» и так далее.

Наконец официоз приблизился к логическому завершению, после чего молоденьких офицеров, утомленных нестерпимой жарой и бесконечными напутственными словами, стали вызывать из строя для вручения долгожданных дипломов.

Над парящим плацем раздался командирский голос:

– Лейтенант Громов!

– Я! – бодро отозвался выпускник.

– Выйти из строя!

– Есть! – ответил Громов и, чеканя шаг, приблизился к начальнику училища.

Новоиспеченный лейтенант выделялся из общей массы товарищей гигантским ростом и широкими плечами; скуластое, волевое лицо, тип которого так нравится девушкам, излучало неподдельную радость. В прищуренных карих глазах застыл озорной огонек.

Он не слышал, а точнее, не обращал внимания на монотонные слова старого генерала. Для него было важно одно – плотная корочка диплома потела в широкой ладони, и весь огромный мир был у его хромовых сапог.

Наконец все осталось позади, и после такой сладкой команды «вольно, разойдись» желторотые офицеры посбивались в тесные кучки, то и дело выхватывая друг у друга пахнущие типографской краской ледериновые аттестаты профессиональной зрелости.

На какой-то короткий миг все забыли, что они уже не зеленые мальчишки-курсантики, а профессионалы погранвойск ФСБ Российской Федерации.

К одной из таких галдящих групп приблизился пожилой подполковник в сопровождении коренастого мужчины лет сорока пяти. Цивильный костюм не мог скрыть военной выправки. Его взгляд пробежал по недоуменным лицам присутствующих.

– Громов, – негромко позвал подполковник, – иди сюда.

Молодой человек отделился от застывших товарищей и строевым шагом подошел к старшему офицеру, который, одобрительно улыбнувшись, произнес:

– Вот, товарищ полковник, наши лучшие кадры, – говорящий с торжественным видом уставился на серьезного мужчину в штатском, – краса и гордость пограничных войск. Срочную прошел в Дагестане, награжден орденом Мужества, – подполковник расхваливал бывшего подопечного, как базарный торгаш расхваливает привезенный на гудящую ярмарку свежий товар, – был старшиной группы...

– Спасибо, товарищ подполковник, – прервал назойливого собеседника коренастый мужчина и обратился к Громову: – Виталий, так, кажется, ваше имя?

– Так точно, – отозвался плечистый и вопросительно уставился на человека в «гражданке».

– Моя фамилия Ремизов, – представился тот, – я полковник Федеральной службы безопасности, зовут меня Валерий Олегович. Есть предложение. Если вы не заняты, давайте прогуляемся?

Громов внимательно посмотрел в серые глаза представившегося гэбэшника, а затем перевел вопросительный взгляд на бывшего начальника. Тот незаметно кивнул лысеющей головой, как бы подталкивая неразумного лейтенанта к решительному действию.

– Я не занят, – просто ответил Виталий и направился за шагающим спутником в сторону родного КПП.

Долгое время они шли молча по многолюдной улице, и Громов уже начал ощущать некоторую неловкость из-за слишком затянувшейся паузы, но заговорить первым не решался.

Коротко стриженная голова под зеленой офицерской фуражкой обильно потела, тонкая резинка форменного галстука непривычно сжимала шею, а по взмыленной спине потекли липкие ручейки, однако молодой лейтенант и не помышлял о том, чтобы скинуть парадный китель или сорвать надоевшую «удавку».

Вдруг пронизательный взор Ремизова остановился на вывеске кафе, и полковник предложил:

– Давайте зайдем, по-моему, здесь можно выпить по чашечке крепкого кофе.

Громов неуверенно пожал широкими плечами и направился вслед за спутником.

Кафе оказалось уютным и напоминало забегаловку – за редкими столиками сидели шумные компании любителей выпить не закусывая и перебрасывались между собой короткими репликами.

Выбрав укромное место в глубине душевного зала, вошедшие уселись за стол и заказали официантке две чашки кофе и мороженое.

Громов натянуто улыбнулся; он ждал, когда же гость перейдет к главному.

Как бы читая его сокровенные мысли, Ремизов вполголоса произнес:

– Давай договоримся сразу, что независимо от результатов беседы все останется между нами?

Виталий кивнул и воззрился на серьезного мужчину в штатском, который между тем продолжил:

– Я командир специального подразделения Антитеррористического центра. Аналитики нашего ведомства изучили твое личное дело и дали исчерпывающее заключение, что ты нам подходишь. Однако последнее слово, конечно же, за тобой. – Ремизов извлек из бокового кармана пачку сигарет и закурил, выпустив под потолок дым. – Плюсы и минусы я тебе расписывать не стану, но скажу, что последних больше. Единственным твоим преимуществом перед остальными выпускниками будет служба в Москве, приличный заработок, перспектива карьерного роста... Если, конечно, выживешь.

У Виталия слегка закружилась голова – он не был готов к такому предложению, хотя подсознательно почувствовал, что это его единственный шанс проникнуть в тот удивительный мир, о котором он мечтал, – загадочный мир рыцарей плаща и кинжала.

– Я могу подумать? – неуверенно спросил он.

Несмотря на кажущуюся решительность и твердость характера, Громов вовсе не был человеком порывистым, а скорее наоборот.

– Я тебя не тороплю, – отозвался полковник, – у тебя сутки на все про все. Завтра позвонишь мне и дашь ответ. – Увидев, что Виталий потянулся во внутренний карман за блокнотом, Ремизов сказал: – Телефон запомни, записывать не нужно.

Несколько раз повторив сложную комбинацию цифр мобильного телефона, собеседник напоследок добавил:

– Если ровно через двадцать четыре часа от тебя не будет звонка, будем считать, что разговора не было.

Поняв, что разговор окончен, Виталий приподнялся из-за стола, собираясь уйти, и в этот момент по тесному залу пробежал возбужденный гул. Предмет нервного шушуканья и сальных шуток стоял, а точнее, стояла в стеклянных дверях кафе.

В душное, прокуренное помещение вошла очаровательная девушка.

Пестрый лоскут ситцевого платья не мог скрыть от любопытных взглядов грациозной стройности фигуры. Завитые локоны белокурых волос мягким искрящимся водопадом низвергались на покатые плечи, казалось, что волосы впитали в себя и августовский цвет спелой ржи, и шелковую белизну ромашкового поля, и лучезарный блеск яркого солнца. На груди вошедшей болтался дешевенький мобильник.

Рядом с невинной девушкой стоял худенький паренек и опасливо озирался по сторонам, переводя растерянный взгляд с одной небритой физиономии на другую.

Осмотревшись, барышня улыбнулась и подошла к ближайшему столику. Спутник замешкался в дверях. И тут один из завсегдатаев пьяно приподнялся со скрипучего стула и неожиданно схватил девушку за плечи.

– Иди к нам, ща вмажем по маленькой, а потом пойдем в гости. Ык! – Он громко икнул, чем вызвал одобрительный смех у хмельных товарищей и мимолетный испуг на красивом лице высокой блондинки. – А этого козла, – он указал скрюченным пальцем на тщедушного паренька, – отправим к его мамочке. А ну, пшел вон, сучонок!

Растерявшийся кавалер обильно покраснел и под оглушительный хохот разгульных приятелей напугавшего наглеца робко вступился за спутницу:

– Извините, но дама со мной...

– Чего-о-о? – протянул хулиган и наотмашь ударил парня по лицу волосатым кулаком.

Голова несчастного резко запрокинулась; он слегка закачался и растянулся на грязном полу питейного заведения.

Нижняя губа перепуганного мальчишки лопнула от полученной зуботычины, и на широкий ворот светлой рубахи пролилась тонкая струйка густой крови. Девушка истошно вскрикнула и бросилась на разнузданного обидчика, но, получив легкий тычок в солнечное сплетение, согнулась пополам и заскулила.

Виталий одним коротким прыжком оказался рядом. Подошва хромового сапога с размаху врезалась в нижнюю челюсть негодяя, и тот навзничь упал на заставленный бутылками стол.

Звон разбитого стекла слился с шумом отодвигаемых стульев – пьяная компания повскакала со своих мест, горя отчаянным желанием отомстить за посрамленного друга.

Широкоплечий лейтенант схватил ближайшего за волосы и, слегка подпрыгнув, нанес сокрушительный удар острым коленом в лицо. По форменным брюкам расплзлось кровавое пятно; раздался сдавленный хрип, и хулиган выплюнул на цементный пол выбитый зуб. Точная серия молниеносных ударов по корпусу отключила его.

На пограничника надвигались хулиганы, и он был вынужден слегка отступить назад. Цепкий взор лейтенанта ловил каждый незначительный жест нападавших.

Неожиданно в грязном кулаке одного из них блеснуло тонкое лезвие. В следующий миг смертоносное острие приблизилось к широкой груди молодого лейтенанта. Обманное движение – и тренированный офицер перехватил занесенную руку с ножом за запястье и вывернул ее за спину нападавшего.

Все было проделано столь молниеносно, что никто не смог ничего понять – раздался приглушенный хруст ломаемой кости, и смертоносное острие отточенного лезвия вонзилось в покатое плечо злобного хулигана.

Душераздирающий крик пронесся под сводами серого потолка; и в следующий миг нападавший потерял сознание от болевого шока.

Громов был готов к отражению следующей атаки: его глаза заволокло мутной пеленой, нервные желваки заходили на четко очерченных скулах, и перед неприятелями стоял уже не молоденький лейтенант, а дикий зверь в человеческом обличье. Пришибленные крикуны поутихли – настолько их поразила горькая участь, постигшая хмельного товарища.

– Ну что, концерт окончен? – низким, утробным голосом спросил Виталий.

Не получив вразумительного ответа, он демонстративно повернулся широкой спиной к обалдевшим завсегдатаям вонючего кафе. Как бы собираясь отойти, он перенес вес огромного тела на правую ногу, но в следующую секунду левая мощным хлыстом рассекла спертый воздух и врезалась в грудь одного из стоявших сзади.

Пока длилась драка, больше похожая на избиение, суровый полковник даже не попытался покинуть скрипучий стул, а лишь внимательно следил проницательными глазами за происходящим и, как показалось Громову, остался им доволен.

Виталий внимательно посмотрел в лицо девушки и улыбнулся.

– Как вас зовут? – спросил он, не узнавая собственный голос.

– Вика, – ответила она и в свою очередь поинтересовалась: – А вас?

– Виталий, – ответил Громов и только сейчас вспомнил, что красавица не одна.

Его взгляд с высоты огромного роста уставился на щупленького паренька. Барышня перехватила недовольный взор нового знакомого и, улыбнувшись, представила обескураженного спутника:

– Знакомьтесь – это вот мой двоюродный брат Гена.

У Виталия отлегло от сердца, и он искренне пожал протянутую ладонь, которая утонула в огромном кулаке пограничника.

– Не составите нам компанию, Виталий? – лукаво сверкнув голубыми глазами, спросила девушка.

Громов замялся, осторожно посмотрев на сидящего за липким столом седого полковника; тот, в свою очередь, наконец приблизился к молодым людям и сказал, обращаясь к лейтенанту:

– Всего доброго, Виталий. – На суровом лице Ремизова мелькнула мимолетная усмешка, а может, это только показалось. – Жду вашего звонка.

Фээсбэшник направился к выходу, кивнув на прощание новым знакомым Громова.

Неожиданно для себя самого пограничник бросился вслед удаляющемуся полковнику и догнал того на шумной и многолюдной улице.

– Валерий Олегович, подождите, пожалуйста. – Сочный бас недавнего выпускника звучал несколько приглушенно. – Я согласен.

Ремизов внимательно посмотрел в серьезные глаза парня и сказал:

– Ну что ж, я рад, что мы в тебе не ошиблись. Ты нам подходишь... группа крови у тебя наша, спецназовская. У тебя неделя отпуска, а в следующий понедельник встретимся на Лубянской площади, у бюро пропусков, – полковник скользнул взглядом по серому циферблату наручных часов, – в двенадцать ноль-ноль. Да, – как бы о чем-то вспомнив, добавил Ремизов, – будь, пожалуйста, в цивильном костюме и не вздумай отдать мне честь.

Собеседники улыбнулись и, пожав друг другу руки, разошлись в разные стороны.

Весь оставшийся день Виталий с Викой пробродили по Москве. Смекалистый брат девушки быстро сообразил, что третий – лишний, и под благовидным предлогом оставил их наедине. Время летело незаметно. Когда же вечерние сумерки опустились на засыпающий город, счастливый Виталий проводил Вику до дома.

Стоя у единственного подъезда огромного двадцатипятиэтажного дома, где жила Вика с матерью, они, взявшись за руки, молча смотрели в глаза друг другу. Любые слова были лишними.

– Ну, все, мне пора, – протяжно вздохнула блондинка и неохотно отстранилась от молодого человека.

– Подожди, – вымолвил смущенный парень занемевшими губами, – я хочу тебе сказать, что... Я... – Виталий злился на себя за то, что не мог сказать главного. – Я люблю тебя.

Вика вплотную приблизилась к Виталию и, встав на носочки, неумело поцеловала его в губы. Казалось, что безмолвные звезды приглушили свой яркий свет, окутав молодых фиолетовой вуалью, скрывая их от любопытных глаз; и только раскидистые ветви стройных тополей будто назойливо шептали: «Видели, видели... мы все видели...»

Наконец Вика вырвалась из объятий и побежала в сторону стеклянного подъезда, бросив на ходу через плечо:

– Я жду завтра твоего звонка...

Спустя минуту она скрылась за пружинной дверью охраняемого подъезда, а покинутый, но счастливый Виталий все стоял и стоял как завороченный, не в силах сделать даже короткий шаг.

Наконец, стряхнув с себя оцепенение, он бодро и весело зашагал по асфальтовой дорожке.

Троллейбусы уже не ходили, столичное метро закрылось, а в пустынных карманах не было ни гроша, поэтому пришлось идти через весь город пешком...

* * *

Что ни говори, а любой отпуск пролетает куда быстрее, чем хотелось бы. Неделя, любезно предоставленная полковником Ремизовым, пролетела, как короткие пять минут перекура. Виталий съездил в Костромскую область к поседевшей матери (к огромному огорчению пожилой женщины, блудный сын пробыл в родном доме всего два дня), а оставшееся время целиком и полностью посвятил любимой.

Вика познакомила кавалера со своей мамой, которая оказалась на удивление молодой и приятной женщиной. Маргарита Витальевна, так звали мать Вики, восприняла неожиданного друга единственной дочери сдержанно и тактично; внешнее дружелюбие не выдавало ее истинных чувств к молодому человеку – в компании старшей женщины Виталий постоянно ощущал некоторую неловкость и скованность, поэтому сократил время их общения до минимума.

Уединяясь с любимой девушкой в тесной комнате или прогуливаясь по вечерней Москве, он рассказал ей всю свою нехитрую биографию, опустив лишь некоторые живописные подробности армейской службы на Северном Кавказе и возможность будущей карьеры.

Вика как зачарованная слушала молодого человека, не отводя влюбленного взгляда от резко очерченных скул.

Кое-что девушка поведала и о себе – Виталий уже знал, например, что ей двадцать лет и она учится на четвертом курсе иняза и что в этом году ей предстоит годовая стажировка в Дрездене. Но самое главное – она еще никогда в жизни никого не любила так сильно, как его – Виталия.

Окрыленный откровенным признанием, Громов был готов свернуть горы и повернуть вековые реки вспять, только бы удержать ее рядом с собой.

Какова же была их печаль и разочарование, когда настало неумолимое время расставаться. Виталий успокаивал плачущую Вику, хотя сам ощущал, как на растревоженной душе скребутся кошки, а к горлу подкатил предательский комок.

Долгий, глубокий и чувственный поцелуй поставил в их молодых судьбах неопределенное многоточие...

* * *

Микроавтобус с проблесковым маячком на крыше проехал Ленинградское шоссе и по длинному плавному съезду стремительно понесся на Окружную кольцевую дорогу в сторону Дмитровки. Сосед Громова, неулыбчивый прапорщик, зашторил окна.

Трудно было сказать, сколько именно прошло времени (часы у молодого лейтенанта сразу же отобрал суровый полковник), когда Виталий ощутил непрерывную тряску, – по всему было видно, что служебная машина уже съехала на колдобины подмосковной грунтовки.

Наконец скрипнули тормоза, и задняя дверца распахнулась. В лицо лейтенанту ударил сноп яркого солнечного света.

Спрыгнув на бетонный плац, молодой человек осмотрелся по сторонам. Огромная территория базы была обнесена высоким забором с геометрически четкими рядами колючей проволоки. По внешнему периметру стояли сторожевые вышки с вооруженной охраной. Единственное двухэтажное здание из серого кирпича сиротливо примостилось в центре, уставившись на прибывших слепыми окнами.

Широкие двери мрачной двухэтажки распахнулись, и навстречу Громову вышли двое среднего роста мужчин с крепко сбитыми торсами, оба они были в спортивных костюмах.

Их развязная походка никак не соответствовала образу лихого спецназовца ФСБ, который мысленно создал для себя молодой лейтенант.

Первым к ним приблизился кучерявый крепыш с выпирающими из-под белой футболки атлетическими мышцами. Его смеющиеся глаза пренебрежительно уставились на нового сотрудника, а огромный, лягушачий рот скривился в откровенно ироничной улыбке.

Второй был более сдержан и не проявил никаких эмоций к застывшему у армейского автомобиля новичку. Он лишь цепким взглядом окинул рослую фигуру Виталия, почесал привычным жестом крупную бородавку на горбатом носу и перевел радушный взгляд на улыбающегося полковника, протянув тому крепкую, мозолистую ладонь.

– Здорово, Рёма, – просто сказал он.

– Привет, – отозвался полковник и, поочередно пожав руки сослуживцам, представил им Громова: – Знакомьтесь – Гром.

Виталий был слегка обескуражен тем, что Ремизов назвал его школьную кличку, от которой он отвык за долгие годы воинской службы.

Поняв его замешательство, улыбающийся полковник объяснил:

– У нас как-то не принято представляться по званию или по фамилии, по крайней мере до тех пор, пока ты не станешь полноправным бойцом спецназа. – Дальше говорящий назвал прозвища мужчин в спортивных костюмах: – Это Крокодил, – полковник кивнул на нагло ухмыляющегося типа, – а его вот зовут просто – Академик. – Огромная ладонь Ремизова опустилась на покатое плечо невыразительного человека с бородавкой. – Теперь ты поступаешь в их полное распоряжение.

Крокодил вплотную приблизился к Виталию и сказал, зловеще цедя каждое слово сквозь плотно сжатые зубы:

– Начнем делать из тебя человека, Гром. – Он буквально выплюнул короткое прозвище растерянного новичка, как горькую пилюлю. – Спортсмен, говоришь?

Громов неопределенно пожал широкими плечами. У него возникло брезгливое чувство к этому улыбающемуся наглецу, однако, стараясь скрыть эмоции, он ответил:

– Кандидат в мастера по боксу, занимался рукопашным семь лет.

– Это хорошо, – чему-то вновь оскалился крепко сбитый Крокодил и, развернувшись в сторону кирпичного здания, бросил через плечо: – Пошли...

Виталий успел сделать только первый шаг, как вдруг ощутил мощный удар в нижнюю челюсть – короткая нога впереди идущего мужчины резко взметнулась и припечатала ошеломленного Громова к железному корпусу микроавтобуса. Из разбитого рта потекла темная струйка крови; в голове что-то хрустально зазвенело, а перед полуприкрытыми глазами поплыли розовые круги.

В следующую секунду тренированное тело Крокодила оказалось позади ничего не подозревающего новичка. Мощный рывок бросил Виталия на раскаленный бетон; к ощущению потери ориентации примешалась нестерпимая боль в хрустнувших суставах правой руки.

Нападавший вывернул ее за спину, а большим пальцем левой провел по широкому горлу поверженного Громова, прошипев:

– Если бы вместо ногтя был нож, то ты сейчас уже бы булькал горячей жижей и скреб руками бетон, спор-р-ртс-с-с-мен.

Виталий, поднимаясь на непослушных ногах, непонятливо уставился на застывшего полковника, который с легкой усмешкой наблюдал эту сцену, как тогда в кафе – отстраненно, с выражением полного безразличия.

Тот, которого называли Академиком, приобняв Громова за могучие плечи, дружелюбно сказал:

– Пойдем, Гром. Не обращай внимания на Крокодила – он у нас специалист по новичкам. Такая у него специализация. Уже через месяц ты сможешь его скрутить в бараний рог – это я тебе обещаю.

– Кишка тонка, – огрызнулся уязвленный Крокодил.

Между тем уравновешенный Академик, не придавая значения сказанному, продолжал увещевать Виталия:

– Поначалу для тебя здесь будет полная жесьть, а дальше... если, конечно, не сбежишь – втянешься.

Виталий проникся глубокой симпатией к человеку с огромной бородавкой на носу и решил про себя, что он не сбежит – хотя бы затем, чтобы доказать этому высокомерному улыбающемуся типу со скользкой кличкой земноводного, что он настоящий мужчина.

Но суровые испытания молодого лейтенанта только начинались; если бы он знал, что его ждет впереди, может быть, тогда бы он тут же повернул вспять...

Войдя в широкие двери, они оказались не в просторном холле и даже не в узком коридоре, а в тесноватой кабинке лифта, где не было ни одной привычной кнопки. Только небольшое отверстие скрытого микрофона в дюралевой стенке.

Полковник, склонившись к переговорному устройству, произнес:

– Ноль-четыре-пять-пятнадцать-один-один, – после чего освещенная кабина резко будто провалилась вниз, и Виталий ощутил неприятный холодок под ложечкой.

Так же резко скоростной лифт замер на неизвестной глубине, автоматические двери распахнулись, представив изумленному взору Громова ярко освещенный зал с ковровым покрытием, где между мягкими креслами возвышались кадки с зелеными растениями. Все это больше соответствовало убранству холла провинциальной гостиницы, чем засекреченному центру всеильного спецназа.

Единственное, что говорило о военной значимости странного объекта, были два здоровенных автоматчика в черных масках – сквозь узкие прорезы на прибывших уставились две пары внимательных глаз.

Здесь Виталий, сбитый с толку неожиданной картиной увиденного, расстался с серьезным полковником и бесстрастным Академиком. Кучерявый Крокодил провел его по запутанному лабиринту ярко освещенных переходов, и наконец они остановились у широкой двери с неприятной цифрой тринадцать.

– Это твоя келья, – указал провожатый на тесную комнатку.

Жесткая армейская кровать, письменный стол, к которому было придвинуто высокое кресло, и стальной рукомойник, спрятавшийся в глубокой нише за платяным шкафом, – вот и все нехитрое убранство нового жилища.

Пока Виталий рассматривал тесную каморку, за спиной щелкнула захлопнувшаяся дверь, но это его особо не беспокоило; он с удовольствием остался в полном одиночестве, чтобы привести в порядок нестройный ход донельзя спутанных мыслей.

В примитивном гардеробе он нашел несколько комплектов одежды и обуви. На допотопных деревянных плечиках висел пятнистый камуфляж неизвестного образца с обилием всевозможных карманов, под ним стояла пара новеньких кожаных полусапожек. Рядом с ним болтался черный костюм, в комплект которого входили мягкие туфли. Была здесь и спортивная одежда, точно такая, как на встретивших его спецназовцах.

Деревянные полки казенного шкафа открыли любопытному взгляду лейтенанта аккуратные стопочки постельного белья, несколько белоснежных сорочек и хлопчатобумажные футболки.

К своему немалому удивлению, Виталий обнаружил, что подобранная одежда строго соответствовала его размерам – так, будто кто-то заранее снял с него все мерки.

В простенькой тумбочке деревянного стола он нашел несколько чистых ученических тетрадей и письменные принадлежности.

Померив узкую комнату размеренными шагами, Громов улегся на старую скрипучую кровать и бессмысленно уставился в белоснежный потолок.

Он не заметил, как заснул...

Пробуждение было тревожным и неприятным – истерично завывала сирена, разрывая барабанные перепонки; из скрытого в высоких стенах мощного динамика раздавался монотонный голос:

– Всем покинуть боксы! Ситуация номер четыре! Повторяю...

Не дожидаясь повторного сообщения, Виталий вскочил с измятой постели и рванулся к стальным дверям... Невероятный ужас обуял его – забаррикадированная дверь не открывалась, хотя не было видимых следов взрывного замка.

Подергав хромированную ручку несколько раз, всполошившийся лейтенант понял всю тщетность любых усилий. Разогнавшись, насколько позволяла теснота непривычного жилья, он в высоком прыжке ударил неподатливую дверь широкой стопой – та не поддавалась. С равным успехом можно было попытаться сдвинуть с места Останкинскую башню.

Виталий, истово забарабанив в бронированную обшивку, принялся звать на помощь, но ответом ему был заунывный голос громкоговорящего динамика и надсадный вой душераздирающей сирены.

Неожиданно для себя он обнаружил, что тесная комната медленно, но неотвратимо наполняется холодной водой. Громов попытался установить аварийный источник течи, но так и не нашел злополучного отверстия – казалось, что прозрачная жидкость сама просачивается сквозь толстые бетонные стены.

В какие-то считанные секунды критический уровень достиг широкой груди и продолжал увеличиваться; еще немного, и холодная жидкость смочит белую штукатурку высокого потолка.

Заметавшись по комнате, как загнанный зверь в хитроумных силках, Виталий натолкнулся на жестяное ведро, стоявшее под умывальником.

Набрав полную грудь спертого воздуха, молодой человек нырнул за спасительной посудой и, перевернув вверх дном, крепко сжал ведро в заочевших руках. Таким образом у него появился резервный запас необходимого кислорода, хотя трудно было сказать, насколько его хватит и успеют ли за это короткое время спасти бедствующего новичка. Но возможно, что коридор тоже заполнен водой, тогда подмоги ждать неоткуда.

Усиленно работая ногами, Виталий как мог пытался удержаться на плаву, сжимая в руках оцинкованное ведро. Его раскрытый рот жадно хватал на глазах исчезающий воздух. В воспаленном мозгу кстати или некстати пронеслась избитая поговорка, что перед смертью не надышишься. Мелькнула даже безумная мысль поддаться превратностям неумолимой судьбы, но

тут же перед ним встал светлый образ любимой девушки, и он напрочь отогнал предательские думы о смерти.

Когда холодная вода достигла высокого свода, Громов последний раз глубоко вдохнул и нырнул под звенящее ведро.

С каждым новым вдохом кислорода оставалось все меньше и меньше. В пульсирующих висках бешено барабанила кровь. Мятущийся взор затуманился. Наконец грудь сдавила адская боль, все смешалось, поплыло перед закрывшимися глазами, и Виталий, теряя сознание, выпустил из сведенных пальцев блестящее ведро.

Последняя тревожная мысль гулким боем кремлевских курантов звенела в ушах: «Жить! Жить. Жить... Жи-и-и-и-ть...»

В легкие затекла обжигающе холодная вода, и бесчувственное тело медленно погрузилось в воду. Откинувшаяся голова с широко раскрытым ртом стукнулась о деревянную спинку узкой кровати. В глазах застыли непередаваемый ужас и немое отчаяние...

Глава 2

В просторной комнате чуть слышно гудел кондиционер. Было душно, кондиционер не справлялся с жарой. Яркая лампа освещала спартанскую обстановку – старенький диван с продавленным сиденьем плотно примыкал к широкому столу, за которым спрятался железный шкаф, похожий на матросский рундук.

Посреди светлой комнаты возвышался стул, на котором примостился Академик. Он неприязненно смотрел на Крокодила, развалившегося на койке.

– Ну как дела у Грома? – неожиданно спросил сидящий на деревянном стуле.

– А, – махнул короткой рукой угрюмый хозяин комнаты, – хлюпик он. Едва откачали. Ему надо держать свою волосатую задницу поближе к маминой юбке, а он собрался стать похожим на нас.

Академик неодобрительно качнул коротко стриженной головой и укоризненно произнес:

– Я не пойму, Сашок, – собеседник назвал недружелюбного приятеля по имени, – откуда в тебе столько лютой злости? Забыл, каким сам был в его возрасте? Между прочим, у него за спиной Дагестан и орден Мужества...

– Херня это все, – на редкость несдержанно высказался Крокодил, – медали и штабные писари имели, причем не отрывая задницу от табуреток. Всунул пару раз стержневой жене штабного начальника, она замолвит нужное словечко перед рогатым козлом – вот тебе и блестящая железка на героическую грудь.

– То-то я смотрю, что у тебя наград много, – улыбнулся Академик, – даже Героя дали; скольких же стержневых телок ты за это осчастливил, чьи тупорылые мужья были твоими командирами?

– Я свои побрякушки не под женскими юбками добывал. – Сашу справедливо задела за живое шуточка сидящего напротив товарища, и он зло сверкнул маленькими глазками.

Перехватив многозначительный взгляд вальяжного собеседника, Академик вернул лицу обычное выражение и процедил:

– Ты, Сашок, в меня глазками не стреляй – мне на твою злость откровенно наплевать. А пацана не трогай, понял?

Окинув приятеля недобрым взглядом, мстительный Крокодил скривился в усмешке, как будто хотел скрыть за ней истинные чувства.

Между тем Академик продолжил:

– Неизвестно, как житуха обернется. А ты собачишься, как шелудивый пес...

– Это я пес? – Хозяин уютной кельи угрожающе приподнялся с пружинной кровати. – Повтори, что ты сказал!

Не обращая внимания на ярую агрессию сослуживца, сидящий на колченогом стуле мужчина привычно дотронулся до огромной бородавки и произнес, не меняя расслабленной позы:

– Тебя молодые за глаза называют «гестаповцем». И знаешь, я начинаю с ними соглашаться...

Резкий выпад подскочившего Крокодила не дал Академику договорить – плотно сжатый кулак просвистел в нескольких миллиметрах от головы сидящего человека с отметиной на крупном носу, но тот за долю секунды успел уклониться в сторону.

Вслед за этим Крокодил попытался ударить согнутой ногой, но, вместо того чтобы впитаться в мышцы брюшной полости, стопа врезалась в деревянную спинку треснувшего стула.

Академик, как заправский акробат из гонконговских боевиков, скользкой змеей распластался на твердом полу. Его левая нога искрометной плетью подсекла обескураженного противника, и тот растянулся во весь рост, но уже в следующий миг Крокодил, сгруппировавшись, подскочил на пружинистых ногах.

Однако было поздно: он пропустил мимолетный, но точный проникающий удар в солнечное сплетение. Глубокий вдох застрял в клокочущей груди, маленькие глазки, бешено вращаясь, уставились на возвышающегося Академика, который ткнул указательным пальцем за ухо разбушевававшемуся приятелю.

Крокодилу сразу же показалось, что где-то вывернули электрические пробки. Наступила полная мгла, затем привычная картинка вернулась – всего лишь на один миг, и он увидел сосредоточенное лицо Академика. В следующую секунду обмякшее тело Крокодила свалилось бы на холодный пол, не подхвати его за раскоченные плечи великодушный победитель короткого спарринга.

Когда сознание вернулось к офицеру, он услышал отдаленный голос товарища, вещавший, как будто из стальной бочки:

– Не забывай, Шурик, что ты всего лишь инструктор по стрельбе и экстремальным ситуациям – рукопашник все-таки я. Мне понятен твой боевой дух, но ты знаешь меня всего несколько месяцев, а уже пытаешься ухватить за яйца. – В сказанной фразе не чувствовалось жгучей обиды или неоспоримого превосходства – произнесенные слова звучали ровно и поучительно назидательно, что еще больше выводило кучерявого из себя.

– Ладно, Мишаня, сочтемся, – процедил Крокодил вполголоса, наблюдая за тем, как Академик выходит в узкий коридор, плотно прикрывая за собой бронированную дверь.

Встав с бетонного пола, Александр нетвердой походкой подошел к стальному умывальнику и жадно приложился пересохшими губами к блестящему крану.

В это время в комнату ввалился полковник Ремизов и, мгновенно оценив ситуацию, спросил:

– Что у вас произошло?

– Ничего, – отмахнулся хозяин жилища, посмотрев прямо в пронизательные глаза шефа. Ремизов только иронично усмехнулся и задумчиво произнес:

– Ну-ну. Ничего, говоришь, а это что? – В сильных руках седого полковника была переломанная пополам спинка деревянного стула.

– Тренируюсь, – хмуро отозвался Крокодил.

Ремизов направился к выходу, небрежно бросив через плечо:

– За испорченную мебель вычтем из зарплаты, да, и зайди в лазарет, проведай Грома. – Неожиданно старший офицер замер на полдороге и обернулся к угрюмому подчиненному. – Между прочим, Академик действительно ученый – его докторской диссертацией были уникальные способы умерщвления... Плюс к этому он отличный практик. Твое счастье, что ты не попался ему в другом месте в другое время...

Когда за полковником закрылась дверь, Крокодил очень походил на обитателя тропических болот, в честь которого получил это несимпатичное прозвище. Гулкие шаги давно стихли в длинном коридоре, а он все стоял, переваривая услышанное...

* * *

Виталий с огромным трудом открыл слипшиеся веки и увидел над собой склоненное лицо приятной женщины лет тридцати пяти, одетой в белый халат; на затылке у нее был аккуратно заколот пучок рыжих волос.

– Как самочувствие, молодой человек, на что жалуемся?

Громов пошевелил занемевшими конечностями и, к своему огромному удовольствию, ощутил непонятную бодрость – ему было невдомек, что это действовало введенное лекарство.

– Нормальное самочувствие, – ответил он и попытался встать.

Нежное и вместе с тем властное прикосновение женской руки вернуло его в прежнее положение.

– Рановато вам подниматься, – мягко произнесла женщина, – сегодня пробудете у нас, а завтра посмотрим.

Неопределенность сказанного почему-то очень раздосадовала Виталия, и все же он подчинился, укладываясь в постель.

В этот момент открылась белая дверь госпитального бокса, и на пороге возникла мрачная, коренастая фигура Крокодила. Против обыкновения, теперь он не улыбался, а был угрюм и сдержан.

– Ну, сколько ты еще будешь валяться? Хватит косить, пора к делу приступать. – Даже в эти несколько слов ему удалось влить столько желчи, что с лихвой хватило бы испортить настроение целому взводу.

Виталий искоса посмотрел на посетителя и недружелюбно пробурчал:

– Спроси об этом докторов.

С тонких губ кучерявого было готово сорваться крепкое словечко, но он промолчал, лишь исподлобья кинул полный неприязни взгляд.

После суточного отдыха в уютном лазарете беспокойные дни понеслись нескончаемой чередой для порядком уставшего Громова.

С раннего утра и до поздней ночи тело и душу ошалевшего новичка подвергали многочисленным тестам и сложнейшим тренировкам. Каждодневная учеба начиналась и заканчивалась в гулком тире, а в промежутках приходилось просиживать по несколько часов кряду в аудиториях. Нудные психологи подсовывали Виталию бессмысленные, как казалось на первый взгляд, тексты и рисунки, требуя то заучить их наизусть, то выбрать лишние слова или изображения.

Лошадиные нагрузки в спортзале для рукопашного боя становились для него спасительной отдушиной. Деликатный Академик требовал от молодого стажера не только быстрой реакции и знания уязвимых точек человеческого тела, но и осмысления необходимости применять тот или иной хитрый прием.

Дисциплины чередовались между собой, как яркий день сменяется темной ночью. «Зеленые» – так именовали немногочисленных новичков – в индивидуальном порядке изучали прикладную медицину, оказание первой помощи при огнестрельном или ножевом ранении, использование всевозможных ядов и лекарственных трав, причем растущих где-нибудь в непроходимых дебрях северной Амазонки; постигали сложные азы самолетного и вертолетного управления на хитроумных электронных стендах. Однако главным по-прежнему оставалось виртуозное владение собственным телом и невообразимыми видами всевозможного оружия.

Круглые сутки молодой лейтенант не расставался с тупорылым пистолетом, который был прикован хромированными наручниками к правому запястью. Крокодил требовал, чтобы обучающиеся в центре спецподготовки даже спали со снаряженным магазином и досланным в ствол боевым патроном.

Стоило Грому коснуться головой мягкой подушки, как он забывался глубоким сном без каких бы то ни было сновидений. Пробуждение всегда было тягостным – Виталию казалось, что он только что сомкнул свинцовые веки, и вот уже противный, монотонный голос блеял из скрытых динамиков:

– Подъем! Всем покинуть боксы. Повторяю...

В один из дней после обильного завтрака к Громову подошел полковник Ремизов и сообщил:

– Тебя срочно требует инструктор по стрельбе, он в шестом блоке.

Виталий торопливо вбежал в узкий предбанник опостылевшего тира и увидел невозмутимого Академика, державшего в руках тяжелый бронежилет. Крокодила почему-то нигде видно не было.

Инструктор нацепил на лейтенанта пулезащитный костюм и молча раскрыл перед ним железную дверь.

Громов еще ни разу не заходил в этот таинственный отсек, поэтому внимательно осмотрелся. В дальнем углу лежали спортивные маты – большего он увидеть не успел, так как свет неожиданно погас.

В эту секунду яркая вспышка ослепила Виталия, раздался оглушительный звук выстрела, и молодой человек ощутил сокрушительный удар в защищенную грудь. Глухая боль пронзила замутненное сознание, вползая гремучей змеей в отдаленные закоулки мозга. Сокрушительная сила крупнокалиберной пули бросила тело навзничь.

Падая на спину, Громов рефлекторно произвел два скоропалительных выстрела в темный угол загадочной комнаты в ответ на яркую, ослепительную вспышку.

Неожиданно включился яркий свет – Виталий невольно зажмурился, успев уловить краем глаза размытый силуэт человеческой фигуры с наведенным стволом; согнутый палец лейтенанта самопроизвольно нажал на спусковой крючок, посылая две звонкие пули в маленькую голову промелькнувшей тени.

Только сейчас Громов сообразил, что это всего лишь очередной тест и последующие выстрелы могли оказаться напрасными – можно было запросто попасть в инструктора.

Наконец ослепленные зрачки привыкли к вспыхнувшему освещению, и Виталий обнаружил, что в дальнем углу тренировочной комнаты стоит деревянный манекен, искусно замаскированный под человека.

Массивная дверь распахнулась, и на пороге возникла улыбающаяся физиономия самодовольного Крокодила. Он наставительно произнес:

– Ну что ж, три бала. Давай разбирать ошибки. – По ироничному тону можно было догадаться, что дотошный инструктор злорадствует наличию таковых. – Во-первых, ты был обязан осмотреться за ту секунду, пока была возможность; во-вторых, как только погас свет, надо было переместиться; в-третьих, сразу после прозвучавшего выстрела ты должен был не только произвести ответную серию, но и поменять место. Перекатиться, например.

Виталий, поднимаясь с пыльного пола, угрюмо кивал склоненной головой, признавая бесспорную правоту Крокодила.

– Уроки продолжают. – Саша неудовлетворенно окинул презрительным взглядом растерянного ученика и указал мускулистой рукой на выход: – Пойдем.

Громов вновь оказался в предбаннике и сделал первый шаг по направлению гулкого коридора. В этот миг прозвучала длинная автоматная очередь, и молодой лейтенант, сделав головокружильное сальто, влетел обратно в узкую комнату.

Хохот Крокодила огласил низкие своды бетонного блока.

– Что же ты не стреляешь? Ха-ха-ха! Где же твоя реакция? – Курчавый инструктор в открытую издевался над новичком.

И тут в разговор вступил молчавший до этого Академик:

– Сашок, – его глаза зло сверкали из-под густых бровей, – данный тест не был предусмотрен. Ты же знаешь, что инструкциями запрещено подвергать молодого курсанта двойному стрессу в течение десяти минут.

Крокодил по-прежнему покатывался от смеха. Ему было приятно смотреть на обескураженное лицо Громова, растянувшегося на цементном полу. В этом веселье было что-то откровенно садистское.

Ответ прозвучал грубо и вызывающе:

– Да наплевать мне на все их гребаные инструкции. Пусть эти козляры-психологи свернут их тонкой трубочкой и засунут себе в одно место. – Насмешливые глазки говорящего буравили собеседника. – В бою все инструкции как промокашка для менструации.

Лицо Академика посерело: тугие желваки быстро задвигались на квадратных скулах. Порывисто развернувшись, он вышел в коридор, не оглядываясь на охамевшего коллегу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.